

П. А. АРШИНОВ

Анархо-большевизм и его роль в русской революции

Поражение русской революции, в ее основных первоначальных замыслах, означает в то же время и поражение анархизма в России. Правда, поражение это чисто физическое. Являясь отражением высших стремлений трудящихся к свободе и равенству, анархизм тем самым продолжает быть их застрельщиком, авангардом их мысли и дела. Это — идеологически. Фактически же, наряду с общим разгромом новой властью революционных позиций и революционных рядов трудящихся, разгромлены все силы анархизма, уничтожены все его практические начинания, стерты все его основания. Пепел и прах остался там, где русские анархисты пытались укрепить свободу и независимость труда. Всякий анархист, болеющий за судьбы нашего движения, должен твердо признать это и твердо разобраться в причинах этого поражения.

Анархо-большевизм ни в какой степени не является целостным политическим или социальным движением, проявлением самостоятельной социально-политической мысли. Он, с одной стороны, — прямой потомок того упадочного, ренегатского настроения, которое началось в анархических рядах с поражения русской революции 1905–1907 гг. Он, с другой стороны, — плод ленинской демагогии. Разгром царизмом революции 1905–1907 гг. заложил среди части русских анархистов психологические предпосылки для ренегатства, для ухода от анархизма. Ленин, стремившийся приспособить весь анархизм в его теории и практике на служение большевизму, без малейшего затруднения завладел этой, катившейся по наклонной плоскости, группой. При этом он ловко использовал ее в том виде, в каком

он всегда стремился сочетать анархизм с большевизмом, т. е. в форме анархизма, целиком служащего большевистской идее. Таким образом, анархо-большевизм есть продукт ренегатского сдвига среди части анархистов и демагогии Ленина. Рожденный от таких начал, он, естественно, не мог иметь самостоятельного назначения и бытия, а мог служить лишь средством в руках большевизма. Однако, как средство, как некоторого рода рычаг в руках большевизма, он сыграл свою, крайне вредную, роль в русской революции.

Чтобы в своих дальнейших организационных и социально-практических построениях и мероприятиях не впасть в лишнюю ошибку, мы должны ясно и точно знать, какую именно роль он сыграл в нашей революции.

* * *

Еще в момент разгрома революции 1905–1907 гг. некоторые анархисты, преимущественно разночинцы по происхождению, ренегировали. Для них, пришедших к анархизму с книжной стороны, поражение революции явилось горькой действительностью, начавшей легко подтачивать их анархические иллюзии. Под влиянием этой действительности, незаметно, но неуклонно, день за днем среди них создавалась тенденция ухода от анархизма. Однако, многие из них своего ренегатства внешне не выказывали, не имея еще ясного представления о своем новом пристанище. Они продолжали находиться в анархических рядах, называться анархистами и даже ударяться в анархические крайности (безмотивный террор, экспроприации и т. д.). Но по существу они являлись ближайшими кандидатами на выбытие из анархических рядов и на вхождение в лоно той партии, которой посчастливилось бы стать госпожой положения в стране. В душе они уже уходили от анархических идеалов, стремясь пристать к новым берегам. К каким? К *признанию фактической силы*.

Демократия вырисовывалась в то время, как фактическая сила, которой принадлежит ближайшее будущее. И уклон ренегатствующей части анархистов обозначился в сторону демократии, притом не только в сторону революционной демократии, представляемой марксизмом, но в сторону демократии вообще. В результате этого уклона могли быть различные сочетания ренегатов анархизма с демократическими элементами, начиная с анархо-большевизма и кончая анархо-либерализмом.

И если бы вместо диктатуры большевизма, представляющего левое крыло демократии, в России укрепился меньшевистский или даже кадетский режим, ренегатствующая часть анархистов несомненно докатилась бы до него и пошла бы ему в услужение, создав вместо анархо-большевизма анархо-меньшевизм или анархо-кадетизм. Это подтверждается тем неустойчивым, шатающимся положением, в котором, в дни керенщины, находились многие из современных анархо-большевиков, из которых иные явно стояли на стороне режима Керенского против наступавшего большевизма, а иные занимали выжидательную позицию.

Во время октябрьского революционного движения масс в 1917 г. государственную власть захватила партия большевиков — левое крыло демократии, — ставшая затем диктатором в стране. И когда этот факт распространился и упрочился, ренегатствующая часть русских анархистов пошла в услужение большевизму. Причем некоторые из них, войдя в большевистскую партию, порвали с анархизмом и по существу, и формально, отказавшись от звания анархиста. Другие, признав полностью большевистскую государственность, сохранили за собой название анархистов и под этим именем встали на службу идей большевизма. Эта часть ренегатов анархизма и образовала собою то, что известно под нескладным именем «анархо-большевизма». В лице последнего мы имеем воплощенный в данной области идеал Ленина, — мы имеем анархизм (конечно, это не анархизм, а его извращение), целиком служащий большевизму.

По мысли руководителей большевизма, смысл и назначение анархо-большевизма должны были состоять в том, чтобы от имени анархического движения, от имени анархических идеалов защищать и пропагандировать большевизм и его диктатуру. Как бы широко и прочно не установил большевизм свою диктатуру, он все же не может отрицать влияния идей анархизма на трудящихся и не может не видеть того, что в иных случаях именем анархизма можно добиться большего результата, нежели именем большевизма. Как опытный хозяин в большом хозяйстве, большевизм и постарался использовать это влияние и силу анархизма приспособлением его идей на службу своей государственности. Так создавался анархо-большевизм.

Своих мыслей, своих политических и революционных положений, своей линии поведения в России анархо-большевизм

не имеет. Он раболепно повторяет все социально-политические лозунги и положения большевизма и раболепно их защищает.

В 1918 г. Ленин, в оправдание своей тактики, имевшей целью во что бы то ни стало сохранить за собой власть, убеждал, что Брест-Литовский мир с германским императорским правительством есть ничто иное, как необходимая для русской революции передышка. Анархо-большевизм рабски повторял за ним это.

В 1921 г. большевизм, после того, как затравил лучшие соки русской революции, — разгромил махновщину, анархические, максималистские и левоэсеровские течения и организации, — начал свободно, без всякой угрозы со стороны уничтоженных им поборников социальной революции, вводить новую экономическую политику, представляющую собою восстановление частнокапиталистической хозяйственной системы в стране. Этот свой, предательский по отношению рабочих классов, шаг он назвал вынужденным, представлявшим собою продолжение «бреста»¹, но лишь в другой, более обширной области. Анархо-большевизм опять-таки с рабской угодливостью повторял за большевизмом это изречение, сказанное на еще живом, но обескровленном большевизмом, теле русской революции.

Сами большевики прекрасно знают, что движение махновское есть подлинно народное и революционное движение. Однако, по положению правящей государственной партии, они ведут с ним истребительную войну и считают необходимым ложно чернить его, наклеивая на него ярлык бандитизма. Анархо-большевизм, вслед за большевизмом, распространяет вздорные басни о кулацком и контрреволюционном характере махновщины. И если в анархической среде России и заграницы по сию пору существует хаотическое и извращенное представление об этом величайшем революционном движении украинских тружеников, то виною этого является прежде всего анархо-большевизм, который без зазрения совести распространял и прививал в анархической среде дикие выдумки большевиков о махновщине.

Точно также прекрасно знали большевики глубоко народный и революционный характер кронштадтского движения в марте 1921 г. Однако, опять-таки по положению правящей партии, против произвола и насилия которой движение и было направлено, они затопили его в крови восставших революционеров и очернили его контрреволюционным. Анархо-большевизм освятил и идейно полностью поддержал это преступление большевиков.

В течение всех лет русской революции анархо-большевизм во всем является точным отголоском большевизма. Если сделать сравнение между анархо-большевизмом и сменовеховством*, то можно сказать, что они являются одинаковыми прислужниками большевизма, пришедшими к нему хотя и с разных сторон, но с одним и тем же желанием приспособиться к фактической силе, стараясь это приспособление оправдать идейными соображениями.

Роль анархо-большевизма в русской революции безгранично преступная. Больше чем кто-либо, он извратил анархическую идею в угоду большевизму, тем самым дав последнему широкое основание для уничтожения подлинного анархизма и анархического движения в России. Именно он разлагал анархическую мысль в массе, прививая ей, под видом анархизма, яд государственности; он все время дезорганизовывал анархические ряды, внося в них, под видом анархизма, большевистскую доктрину.

Большевизм, начавший действовать в России, как государственная система, мог лишь физически вредить молодому анархическому движению. Идейно он был не в силах разбить его перед лицом широких масс трудящихся. В этом ему оказал огромную помощь анархо-большевизм. От имени анархизма он пропагандировал большевизм, защищая все практические мероприятия его, черня и осуждая всякую тень оппозиции ему. Этим он внес сумятицу в широкую революционную массу, симпатизировавшую анархизму. Последняя, будучи не в силах разобраться в том, где ей излагают подлинный анархизм, а где лже-анархизм, сбивалась с толку; анархическая мысль, анархический порыв в ней дробились. Этим же самым анархо-большевизм мешал анархизму проявить яркую, цельную и сильную оппозицию большевизму. В глазах масс анархизм постоянно перемежался с анархо-большевизмом и производил впечатление силы колеблющейся, половинчатой. В этом — одна из главных причин того, почему анархизм организационно не связался достаточно глубоко с широкими массами, и почему большевики всегда так легко и безнаказанно громили анархические организации

---

* Течение среди части буржуазной и помещичьей интеллигенции, признающее большевизм единственной законотворческой силой, способной, в настоящих условиях, привести Россию к широкому национально-государственному возрождению и укреплению.

и анархические движения, безнаказанно убивали отдельных поборников и борцов анархизма.

В отношении анархического движения роль анархо-большевизма заключалась в том, что в то время, когда советская власть душила это движение силою чека и военных дивизий, в это время анархо-большевизм душил его, так сказать, словесно. Каждый шаг, каждое выступление анархо-большевизма представляли собою сплошную атаку идей анархизма, различных его организаций и их практических начинаний. Чем ярче и сильнее было то или иное движение анархизма, тем зlostнее были нападкИ на него. Все формы и оттенки анархического движения в России, — движение соединенного анархизма («Набат»), махновщина, анархические и анархо-синдикалистские съезды и конференции, всякая анархическая организация и чуть ли не всякий анархист, — подвергались неизменной атаке со стороны анархо-большевизма.

В отношении рабочих классов, — пролетариата и трудового крестьянства, — роль анархо-большевизма заключалась в том, что в то время, когда советская власть насильственно, методами диктатуры, проводила свой политический и экономический режим, в это время он именем анархизма направлял массы под своды этого режима, освящая все его детали, прикрывая и защищая всякий тиранический акт власти. Мрачная история коммунистической диктатуры в России не имеет не одного случая, когда бы анархо-большевизм протестовал против того или иного акта власти. Нет, он всегда с рабской угодливостью пел ей гимны. Даже смертная казнь, в ужасающих размерах применяемая большевикам на фронте и в тылу против сынов народа, не шевельнула в нем ни одного мускула протеста.

* * *

Кажется невероятным, убийственным, такое чудовищное явление, как анархо-большевизм, имело место в анархических рядах. А между тем, оно ютилось именно в анархических рядах. Все преступления анархо-большевизма совершались от имени анархизма, в анархической среде, под знаменем анархизма. Больше того, — по сию пору явление анархо-большевизма не вполне определено и отсортировано в нашей среде. До сих пор некоторые анархисты зачастую считают его своего рода фракцией анархизма. В то же время сам анархо-большевизм по сию пору старается не только остаться, но и закрепиться под знаменем анархизма.

В силу чего, однако, эта чисто большевистская организация смогла осесть в анархической среде, эксплуатировать идеи анархизма, трепать его знамя?

Главным образом, в силу того, что анархическая среда неорганизована, распылена. Неорганизованность эта так въелась в наше обихование, что пока отдельные анархисты сделали боевую перекличку, проверили боевые позиции и боевые пароли, анархо-большевизм успел осесть в анархической среде и проделать свою преступную работу. К счастью, эта преступная работа его велась тоже крайне неорганизованно. За все время революции анархо-большевизм ни разу не выступил объединенными силами. Это соответствует нашему положению о том, что он является не самостоятельным социально-политическим движением, а продуктом большевистской демагогии. Лишь последнее время наблюдаются попытки объединить и координировать действия всех анархо-большевиков, делаются попытки вновь и вновь разложить революционные ряды анархизма, чтобы в конечном счете привести весь анархизм на службу большевизму.

Мы уверены, что на этот раз анархо-большевизм постигнет большая неудача, чем раньше.

Опыт русской революции повелительно учит анархистов смыкать свои ряды в революционно-боевом порядке и иметь руку твердую.

Лицо и назначение анархо-большевизма выяснены. Анархисты всех стран проявят в отношении его необходимую твердость и без излишней сентиментальности укажут ему его настоящее место.

К вопросу об анархо-большевизме и его роли в революции

В свое время нами были даны в русской и иностранной — анархической и синдикалистской — прессе предупреждения относительно разного рода «анархо-большевиков», прибывших за границу и проявивших или же предпринимавших здесь ту или иную деятельность в рядах анархистов.

На почве этих предупреждений возник ряд инцидентов, последний из которых вынуждает нас дать по делу более про-

странное разъяснение и предложить на суд товарищей как обстоятельства возникшего конфликта, так и создавшееся ныне положение вещей.

Какое бы направление ни приняло в дальнейшем данное дело, — мы считаем необходимым, чтобы оно теперь же подверглось обсуждению широких анархистских и синдикалистских кругов. В этих целях мы публикуем имеющийся в нашем распоряжении материал.

Полное, всестороннее выяснение роли анархо-большевизма в русской и мировой революции есть, конечно, дело будущего. Оно требует особых исследований, которые, вероятно, не заставят себя долго ждать.

В настоящей же — сравнительно небольшой — заметке мы лишь сжато отметим основные положения и факты.

1. Водворение большевистской диктатуры на развалинах русской революции и различных социалистических и революционных партий и течений привело, естественно, к явлению самого широкого ренегатства, — тем более, что ренегатство это могло, в данном случае, прикрываться и даже кичиться видимостью истинной революционности.

Не избежал этого явления и анархизм.

2. Ренегатство анархистов в русской обстановке проявилось в двух основных формах: а) прямой переход в коммунистическую партию; и б) стремление приспособить весь анархизм, — внешне не порывая с ним, — на служение большевизму, его идее и практике. Этот второй вид ренегатства дал начало так называемому «советскому анархизму» или «анархо-большевизму».

3. Роль анархо-большевизма в русской революции губительна и преступна. Он оказал большевистской диктатуре бóльшую услугу, чем прямое вступление анархистов в коммунистическую партию. Он делал то, чего не мог выполнять сам большевизм непосредственно: он разлагал молодое анархическое движение в России, выдавая за анархизм чисто большевистскую идею и практику (в то время, как голос подлинного анархизма был задушен); он помогал большевизму поработать рабочие и крестьянские массы, освящая и защищая перед ними от лица анархизма всю теорию и всю государственную деятельность большевизма: он чрезвычайно ослабил подлинное анархическое движение в России, поставив его в самое тяжелое положение, пытаясь грязнить и бить его на каждом шагу; он развязал большевикам

руки в их жестоком преследовании анархизма и санкционировал все эти преследования от лица анархизма же; он нанес удар анархическому движению за границей, внося значительное разложение и в его ряды.

4. В то время, когда большевизм рукою чекистов и красноармейцев душил во всех частях России подлинных и выдающихся анархистов, анархо-большевизм старался душить их идейно, — так, чтобы и самая память о погибших мучениках анархизма оказалась растоптанной. Перед широкими массами рабочих и крестьян он доказывал (в то самое время, когда подлинная анархическая печать была задушена и молчала), что в настоящее время линия чистого анархизма утопична, вредна, а потому контрреволюционна. Он призывал массы к полному признанию большевистской диктатуры, рисуя им во враждебном виде идеологию всех прочих учений, в том числе и чистого анархизма.

5. Фактически анархо-большевизм являлся особой большевистской организацией, деятельность которой поощрялась, направлялась и контролировалась правительством. Инспирируемая правительством, или же по прямому поручению последнего, эта организация производила непрерывные атаки на анархическую идею, анархическую мысль и анархические организации. Центральным занятием таких анархо-большевиков, как Рощин, Новомирский, Александрович и др., было разъезжать из города в город и читать в анархических клубах лекции. Эти лекции являлись по существу ничем иным, как более или менее прикрытой ожесточенной атакой против самой идеи анархизма. И делалось это в то время, когда вооруженная рука большевистского милитаризма беспощадно расправлялась с анархическими организациями и отдельными анархистами, защищавшими знамя анархизма, а также давила широкие беспартийные массы рабочих и крестьян, пытавшихся добиться в социальной революции подлинных прав себе. Цезаризм² большевиков действовал, огнем и мечом подчиняя своей воле всех непокорных, бунтующихся, стремящихся к независимости рабочих и крестьян. Анархо-большевизм освящал и защищал эти действия. В русской революции тот и другой органически срослись, составив один фронт против всех несогласных с идеей большевистской диктатуры.

6. Этот единый фронт большевизма и анархо-большевизма начался с момента октябрьского переворота и тянется до настоящего времени через всю русскую революцию, оставляя за собой

на всем ее протяжении кровавый след ее защитников. Русские анархисты, оставшиеся верными анархизму, испытали этот фронт на себе. День за днем, год за годом они несли кровавые жертвы на этом фронте. Не в абстракции, а на их живом теле, на удушенных жизнях многочисленных анархистов история записала, что за все гонения, преследования, истребления анархистов анархо-большевизм ответствен в одинаковой степени с большевизмом. Постоянно и повсеместно большевистские власти, арестовывая анархистов, ссылались, в оправдание своих действий, на анархо-большевиков — Рощина, Гейцмана, Новомирского, Сандомирского, Алейникова, Шатова, Гордина и других, называя их истинными революционерами, а преследуемых товарищей контрреволюционерами и бандитами. И тем жесточе расправлялась они с последними под прикрытием первых.

7. Русские революционные анархисты приняли этот фронт и сделали из него неизбежный, неумолимый вывод: не только считать анархо-большевиков ответственными за все действия большевистской власти, но и противопоставить им, как и большевикам, революционно-боевой фронт со всеми его последствиями. Начало этого фронта, этой борьбы намечается еще в 1919 году, когда появились резолюции Елисаветградского Съезда Анархистских Организаций Украины «Набат», затем — «Открытое письмо Гроссману-Рощину» Б. Стоянова, а затем — прозвучал общий голос многих анархических организаций, призвавших необходимым вести активную борьбу с анархо-большевизмом. Если эта борьба не приняла в дальнейшем более резких и широких форм, то лишь в силу того обстоятельства, что анархическое движение, анархические организации и анархическая печать были раздавлены большевистским правительством — с помощью анархо-большевиков.

8. Из создавшегося, таким образом, положения вещей вытекало, что в отношении всякого анархо-большевика анархисты не могли оставаться нейтральными. Они вменили себе в обязанность — во всяком месте и во всякое время принимать меры революционной предосторожности и, по возможности, обезвреживать врага. Где бы ни появился тот или иной анархо-большевик, — всякий анархист, всякая анархическая организация должны немедленно призвать к осторожности и принять меры к его обезвреживанию. Таково общее правила, к которому привел русских анархистов опыт четырехгодичного единого фронта большевизма и анархо-большевизма против анархизма.

9. Соблюдение этого правила необходимо также для анархистов Европы и Америки — быть может, еще более, чем для находящихся в России, ибо анархо-большевизм, почти неизвестный за границей, имеет обыкновение натягивать на себя старые анархические одежды и ложно выдавать себя за подлинный анархизм. При этом, оттенки и приемы анархо-большевизма (как и большевизма) — очень разнообразны. Многие из этих оттенков и приемов настолько тонки и замаскированы, что легко вводят в заблуждение неосведомленных. Большевики стремятся и умеют использовать в борьбе всякую близость к ним, всякую мягкость к ним со стороны анархистов. (Если некоторые товарищи полагают, что мы преувеличиваем и придаем делу чересчур большое значение, то пусть поинтересуются теми средствами и силами, какие затрачиваются большевиками на работу по разложению гораздо менее вредного и опасного для них русского монархического движения и монархических организаций за границей. Несомненно, на борьбу с анархизмом и синдикализмом, на задачу их разложения и «приручения», как более опасных, большевизм затрачивает гораздо большие усилия).

10. Группа Русских Анархистов в Германии, многие члены которой прошли суровую школу в русской революции, с самого начала считала себя обязанной стоять на боевом посту против большевизма и его детища — анархо-большевизма. Она всегда отдавала себе ясный отчет в том, что большевистское правительство не преминет в ближайшем же времени повести многостороннюю борьбу как против начатого дела разоблачения большевизма за границей, так и против все увеличивающейся тенденции анархизма и синдикализма к разрыву с большевизмом. Мы прекрасно понимали, что в этой борьбе большевистское правительство не остановится ни перед какими средствами и возможностями влияния, разложения, одурачения и т. п.

Поэтому, когда группа получила из России первые сведения о том, что большевистское правительство предполагает переправить за границу ряд анархо-большевиков, дав им различного рода поручения на предмет борьбы с подлинным анархистским и синдикалистским движением, — она сочла своим долгом принять свои меры. <...>

11. Первое предупреждение Группы (летом 1922 г.) касалось Германа Сандомирского. Второе — провокаторов Штейнера и Рыжина.

Третье — известного ренегата русского анархизма Иуды Гроссмана-Рощина.

В связи с этим, третьим, предупреждением возник инцидент, вынуждающий нас к более основательному освещению дела.

12. Жизнь и деятельность Гроссмана-Рощина в России за годы революции протекала частью в приемных Луначарского, Каменева и других большевистских вельмож, а частью в ожесточенных нападках на анархизм и его борцов. Те, кто наиболее активно и мужественно защищали анархическое движение в России, подвергались наибольшим нападкам и хуле со стороны Рощина. Многочисленные борцы русского анархизма, гниющие сейчас в большевистских тюрьмах, когда-нибудь расскажут полную историю борьбы, которую им пришлось выдержать с этим анархо-большевиком. Более ретивого и утонченного анархо-еда, чем Рощин, большевики за все время революции не имели. Всякое активное, подлинно-анархическое начинание в России неизбежно подвергалось с его стороны ожесточенному нападению. Укажем на его отношение к молодому, много-обещавшему «набатовскому» движению на Украине, затем к махновщине, к анархическим съездам, к каждой анархической организации, не стоявшей на платформе признания «советской власти». Всем этим явлениям русского анархизма Рощин неизменно выносил смертный приговор, причем, чем активнее и энергичнее было то или иное анархическое движение, тем злее бывал его наскок.

13. Всё это нам, русским анархистам, близко известно по каждому дню анархической работы в России. Всё пагубное влияние такого рода ренегатов на положение там анархистов, вся разлагающая роль их в русском анархическом движении, вся бессмысленная затрата сил и времени на борьбу с ними, — всё это въелось нам в самые кости.

Вполне естественно, что когда мы получили извещение о выезде Рощина за границу, мы отдавали себе полный отчет в том, с чем и для чего может он ехать из России. *Основываясь на всем его прошлом*, мы прониклись полной уверенностью в том, что он несомненно имеет задачей вредить анархическому и синдикалистскому движению за границей и, в частности, чернить и парализовать деятельность русских анархистов. И, принимая во внимание неосведомленность огромного большинства анархистов за границей, — неосведомленность, давшую уже немало

отрицательных результатов, — мы сочли своей обязанностью предупредить товарищей.

14. Что касается выдвинутых против Рощина фактических данных, то основанием их служат свидетельские показания ряда наших товарищей, некоторые из коих известны своей работой в анархическом движении, начиная с 1905–6 годов.

Так, тесное сотрудничество Рощина с советской властью и принятие им на себя секретных и ответственных поручений последней весной 1910 г. неопровержимо устанавливается данными товарища П. Аршинова, которого в неточности или в пристрастии никто, — в том числе и Рощин, — обвинить не может. <...>

Анархизм и диктатура пролетариата (Доклад Конференции анархо-комм. Групп Сев. Америки и Канады)

Предисловие

Со времени выхода в свет «Организационной платформы» (1926 г.)¹, на меня с разных сторон посыпались обвинения в стремлении большевизировать анархизм, подменить его безвластную природу властническими положениями. «Дело труда» — орган, взявший на себя миссию подвести под анархизм классово-пролетарскую и революционную базу и стремившийся создать на этой базе рабочую анархо-коммунистическую партию, рассматривался большинством старых анархистов, как орган политического, т. е. государственного анархизма.

За пять с лишним лет редактирования мною «Дела труда» (с 1925 по 1930 г.) расхождения между мною и традиционной анархической средой достигли крайней степени. Они касались, главным образом, вопроса диктатуры пролетариата в переходный период. На почве этих расхождений в некоторые страны (Испания, Болгария) было дано предупреждение не печатать мои статьи, как развивающие идею пролетарского государства. Ряд товарищей потребовали от меня объяснения, дабы широкая анархическая среда точно знала существо поднятого мною спора и не питалась бы отрывочными заметками или разными ложными слухами.